

РЕЦЕНЗИЯ

профессора, доктора Людмила Димитрова,
Софийский университет «Св. Климент Охридски»
на диссертационную работу «ПАСТОРАЛЬ И МОДЕРНОСТЬ»
доцента, доктора Дияны Василевой Николовой-Багалевой,
Пловдивский университет «Паисий Хилендарски»
на соискание учёной степени «доктор наук»
в области высшего образования 2. Гуманитарные науки,
профессиональное направление 2.1. Филология (Античная и западноевропейская
литература: сравнительное литературоведение).

На основании приказа № РД-22-910 от 22.04.2025 г. ректора Пловдивского университета «Паисий Хилендарски» (ПУ) я назначен членом научного жюри по обеспечению процедуры защиты диссертации на тему «Пастораль и модернизм» на соискание учёной степени «доктор наук» в области высшего образования 2. Гуманитарные науки, профессиональное направление 2.1. Филология (Античная и западноевропейская литература: сравнительное литературоведение).

Автор диссертационной работы – доцент, доктор Дияна Василева Николова-Багалева из кафедры «История литературы и сравнительное литературоведение» филологического факультета ПУ «Паисий Хилендарски».

Представленный доц. д-ром Дияной Василевой Николовой-Багалевой комплект материалов на бумажном носителе соответствует статье 45 (4) Правил развития академического состава ПУ и включает следующие документы:

- заявление ректору ПУ об открытии процедуры защиты диссертации;
 - автобиография в европейском формате;
 - копия диплома об образовательной и научной степени «доктор»;
 - протоколы кафедральных советов, касающиеся открытия процедуры и предварительного обсуждения диссертации;
 - диссертация;
 - автореферат;
 - список научных публикаций по теме диссертации;
 - копии научных публикаций;
 - декларация об оригинальности и достоверности представленных документов;
 - справка о соблюдении минимальных национальных требований.
- Кандидат приложила 7 научных исследований и 3 статьи.

Все документы оформлены корректно и соответствуют академическим требованиям процедуры.

С 1990 года, когда она стала ассистентом в ПУ, до настоящего времени доц. д-р Дияна Николова последовательно и целенаправленно развивает свою академическую карьеру, всё более точно очерчивая сферы своих научных интересов: античная и западноевропейская литература с акцентом на романтизм, эпоху Белль Эпок, пастораль и идиллию. Её исследовательские интересы охватывают также аналогичные области в русской литературе XVIII, XIX и XX веков.

Тематика, на которой сосредоточилась диссертантка, не только (вечно) актуальна, но, к сожалению, недостаточно исследована как в литературно-теоретическом, так и в эмпирическом плане. Существенным вкладом является то, что именно доц. Дияна Николова разработала вопрос пасторали и идиллии не только в западноевропейской и русской, но и в болгарской литературе. Как тщательная исследовательница этих

вопросов, она сумела продемонстрировать и защитить в компаративистском и интертекстуальном аспекте важность жанра и его поджанровых модификаций, важной особенностью которых является то, что они содержат модель и память модерности от античности до наших дней.

Доцент Д. Николова – ведущий в Болгарии специалист по состоянию и развитию избранных ею литературных жанров – идиллии, пасторали и их производных, а также по литературоведению в более широком смысле.

Методика, избранная автором и применённая в исследовании, оригинальна и результативна; она сочетает научный аппарат / нарратив с компаративистскими, герменевтическими и семиотико-психоаналитическими элементами, которые оптимально раскрывают заявленные тезисы, подтезисы и гипотезы диссертации.

Характеристика и оценка диссертации

Представленная на рецензирование работа состоит из Введения (Пролегомены), двух частей, каждая из которых поделена на три главы, и приложений. Использованная литература насчитывает 867 библиографических единиц, из которых 697 на кириллице (болгарский и русский языки) и 176 на латинице (преимущественно английский, но также и другие языки).

Следует отметить, что внушительный по объёму текст диссертации (739 страниц) на деле вдвое больше, так как страницы не стандартизированы (1800 знаков), а сильно уплотнены (что относится и к автореферату). Это ставит читателя / рецензента перед серьёзным испытанием и изначально вызывает сомнение: перед нами систематическое, логичное и последовательное изложение, оправданное широтой темы (а научный труд заканчивается, когда тема исчерпана), или же безудержная квазинаучная логорея, весьма распространённая в последние два–три десятилетия в наших профессиональных кругах? Следует сказать, что с первых же страниц чтения – изучения диссертации – мои сомнения были окончательно развеяны. Более того, я считаю, что работа представляет собой несколько потенциальных монографий, которые уже на данном этапе рекомендую к изданию.

Как специалист по русской литературе, я более подробно прокомментирую соответствующую (и наиболее обширную) часть исследования. Однако прежде поделюсь впечатлениями от вводных глав, связанных с состоянием проблемы «Пастораль и модерность» в античной и западноевропейской литературе.

Первоначально у меня возник вопрос: почему в научной работе, претендующей на степень по западноевропейской литературе и сравнительному литературоведению, столь основополагающее место занимает русская литература: два столетия, охватывающих XVIII–XX веков? Однако, прочитав работу целиком, я считаю такое сопоставление оправданным. Его можно сформулировать так: Дияна Николова сумела обосновать перенос пасторали из западноевропейского в русское интеркультурное пространство, одновременно подтвердив плодотворную встречу западноевропейского и русского в жанре пасторали. Также показано, как западное и русское взаимно отзываются друг в друге, поскольку русское заимствует и отражает западноевропейское, но не наоборот.

Я продолжу по порядку.

Каждый филолог имеет хоть какое-то – более конкретное или абстрактное – представление о том, что такое пастораль. Важно в данном случае довериться автору и проследить её мысль. Уже во введении она определяет понятие пасторальной модальности / буколического кода как: «...специфический культурный рефлекс на реальность, связанный с новым пониманием литературы, фикционального, а также с конструированием идеала, основанного на определённых эстетических, этических и

философских установках» (с. 5). Она формулирует его прагматику – «от элитарного „пастушеского“ бытия эллинистического и римского поэта и гуманиста эпохи Возрождения до Аркадий современной Европы, включая и культурную индустрию» (там же, с. 5). После уточнения, что «процесс идеализации пастуха, сельского быта, природы, связанный с мечтой о земном блаженстве и мудром, посвящённом спокойным художественным занятиям образе жизни, впервые разворачивается в эллинизме, в современной урбанистической культуре мегаполисов» и перескакивает «от средневековой пастурели» до «современного театра начала XX века, от первых пасторальных балетов Европы до „Сезонов“ Дягилева» (с. 17), у меня возник резонный вопрос, который я пытался проследить до конца диссертации: обязательно ли каждая культура развивает пасторальное и в какой степени оно может быть критерием качества или родства с другими культурами? Уместно ли понимание пасторали как глобального (прото)жанра, положившего начало и впоследствии подпитавшего другие искусства? И хотя этот вопрос для меня остаётся открытым, более интересно, что Николова не только последовательно и упорно, но и оригинально, я бы даже сказал остроумно, находит пасторальное в самых разных направлениях, представляя его через множество зооморфных мотивов, в том числе мифологему цикады – что трудно оспорить.

Когда я говорю, что подход автора – остроумный, я имею в виду своеобразную «абсолютизацию» пасторали на множестве уровней – умелое её обоснование как «эрудитской» «пасторальной пастырши» других гибридных жанров («клонов»). Чем глубже автор входит в суть проблемы и раскрывает её в соответствующих литературных эпохах, тем шире становится охват её наблюдений и аналитического синтеза. Так возникают многочисленные полемические вопросы, на которые она – вполне оправданно – не стремится обязательно дать окончательный ответ, а предлагает их вниманию и компетентности читателя.

Например, утверждение о том, что появление иллюстрированных книг провоцирует эксперименты в направлении словесно-визуального и таким образом возрастает роль экфразиса (с. 334), сформулировано весьма осторожно, поскольку Николова деликатно подразумевает множество смысловых оттенков – намекая, как возвышенное (например, в виде русского лубка) может выродиться в кич – т.н. «прикроватную живопись» XX века. Это весьма продуктивные моменты перегруженного информацией текста.

Два других важных вывода автора заключаются в следующем: «пасторально-мифологическая поэма и эклога конкурируют с сонетом как предпочтительным средством философско-поэтического осмысления мира» (с. 221), и в XVIII веке «буколический идеал переосмысливается в духе просветительской идеологии и связывается с концептами „естественного человека“, жизни на природе, а также с третьим сословием и его идеологией» (с. 255).

Здесь я задался бы риторическим вопросом: являются ли «сцены из деревенской жизни» Чехова (как гласит подзаголовок «Дяди Вани») анти-идиллией?

С чего и перехожу к рассмотрению русской рецепции пасторали. Мне определённо импонирует тот факт, что увлечённость авторки жанром, а точнее – её пронизательность, позволяет ей обнаружить пастораль повсюду и доказать её присутствие. Смотреть на литературу Европы сквозь призму разных цивилизационных кодов через пастораль – это высшее литературоведческое мастерство. Полностью принимаю точку зрения, согласно которой русская «пасторалия» изначально была усваивающей, переводной, миметической. Появление на русском языке текстов великих античных и западноевропейских идилликов выражает как стремление русских не отставать от моды – своего рода литературное *prêt-à-porter*, – так и насущную потребность расширить культурные поля самовыражения сначала среди дворянской

элиты, а позже – и в массовом восприятии. Более того, идиллия оказывается идеальным конвертером высокого в популярное, не теряя при этом элитарного происхождения. В России её первыми адептами были В. Третьяковский, А. Мерзляков, Н. Гнедич, К. Батюшков, благодаря которым появились первые переводы или авторизованные версии и критическое освоение Феокрита, Биона, Мосха, Катулла, Тибулла, Проперция, Вергилия, Горация, а также Саломона Гесснера. К ним можно добавить Сумарокова, Державина, Карамзина, Жуковского, Дельвига, Панаева, Судийкина, Сомова, Кузмина, Бенуа, Ларионова, Шагала, Мариенгофа, Малевича, Бурлюка, Северянина, Чуковского, Хлебникова, Манделштама, Кручёных. Я сознательно перечисляю эти имена, чтобы подчеркнуть чрезвычайно широкий русский контекст, в рамках которого работает исследование, анализируя стилизованные и аллегорические фигуры – словесные, визуальные, звуковые. Далее исследование концентрируется на романе Поля Таллемана «Езда на остров любви» с учётом его особенностей и активного раннего восприятия в русской культуре. Очень продуктивной мне кажется мысль авторки о том, что «Верлен вдохновляет и русских творцов, у которых сюжет „галантные празднества“ и персонажи *commedia dell'arte* представлены в широком смысловом регистре – от изящной любовной игры на фоне аркадийских декораций до темы шута перед лицом смерти („Весёлая смерть“ Евреинова, „Балаганчик“ Блока, „Венецианские безумцы“ Кузмина, картины К. Сомова, такие как „Арлекин и смерть“)» (с. 337).

Во второй части исследования раскрываются интересные подробности о присутствии пасторального в русской культуре с 30-х годов XVIII века до первых двух десятилетий XX века и о вовлечении в литературный обиход концептов Аркадии и «досуга» (с. 341), что можно перевести как «содержательное времяпровождение». Делается убедительный вывод: «Русская рецепция пасторали в целом схожа с западноевропейской, особенно в период XVII–XIX вв. Она имеет и свои особенности [...] как осмысление многовековой культурной метамоделю в собственном культурном поле, связанное также с понятием „народного“, „русского“» (с. 346).

Особый интерес для меня представляют размышления Николовой о мотиве *Et in Arcadia ego* – своеобразном «логотипе» целого мистического (масонского) слоя передачи тайных посланий между посвящёнными – словесных (как стихотворение К. Батюшкова «Надпись на гробе пастушки», 1810 г.) и визуальных (картина Никола Пуссена «Аркадские пастухи», 1650–1655 гг.), особенно виртуозно воплощённых в некоторых стихотворениях Пушкина 1820-х годов. Не менее обосновано и утверждение, что «посредством переводов, стилизаций и авторских произведений (идиллий, буколических элегий, эклог, од, стихотворений, эпиграмм) в русской литературе XVIII века формируются новые эстетические восприятия, новый светский поэтический язык, задаются новые социальные роли» (с. 356). Убедительно очерчены пересечения между семиосферами *fin de siècle* и *Belle Époque*, соотносённые с эпохой Серебряного века. Полностью принимаю также термин «современные транскрипции пасторали», отнесённый к экстатическим проявлениям идиллического в кабаре, камерных театрах, арт-пространствах – галереях, клубах и кафе-шантанах. Весьма содержательной, хотя и косвенной, является интерпретация причин, по которым эти формы, балансирующие на грани китча, всё же не превращаются в субкультуру, а ограждаются – почти по брехтовски – «четвёртой стеной» представлений: одновременность «музейной» экспозиции и активной функционализации.

Остаётся, однако, одна проблема – когда речь идёт о русификации идиллии и превращении её в имманентную часть русского художественного мира, авторка трактует русскую культурную ситуацию через призму западноевропейской модели. В данном случае требуются более глубокие специальные знания, как минимум касающиеся устойчивой с начала XIX до конца XX века автоцитатности русской литературы и её

поведения как «всепроизведения», которое чаще отвергало и дистанцировалось от европейских инноваций, чем приближалось к ним. Но увлечённость исследовательницы везде видеть «идиллию» сильно повлияла и на меня: например, я стал фантазировать – случайно ли в домашнем театре в «Чайке» есть героиня с артистическим псевдонимом Аркадина? Собственно, ответ дала опять-таки диссертация. И он таков: «Русские модернисты создают новые версии сюжета *Et in Arcadia Ego* – вместо пастухов в буколическом локусе перед лицом смерти [...] предстоят персонажи комедии дель арте» (с. 491), а также что «наиболее активно пастораль функционирует на сцене» (с. 519).

Меня несколько удивляет отсутствие Пушкина. Если ничего другого, то упущена его повесть из цикла Белкина – «Барышня-крестьянка»; несмотря на пародийность идиллического, она опирается на его инварианты, камуфлируя их как игру, которая в конце разоблачается, но уже исполнила свою функцию.

В целом я согласен с двумя основными тезисами:

1. Культура эллинизма может рассматриваться как первая европейская модерность (с. 594);

2. Русская литература пытается сравняться с западноевропейской через идиллию, мыслящуюся как современность, поскольку именно модернизм «обнуляет» различия и предлагает новый старт для всех европейских культур.

3. Как исследовательница определяет и где размещает ставшую широко известной пьесу «Аркадия» (1993) Тома Стоппарда?

4. Считаю, что утверждение: «Через пасторальные жанры в XVIII веке в России разворачивается дискуссия о литературном языке и его обновлении» (с. 393) слегка преувеличено. Не жанры вызывают эту дискуссию, приведшую к появлению радикальных карамзинистов и шишковистов в первой трети XIX века.

5. Все примеры нацелены на „использование“ идиллического в искусстве. Было бы крайне интересно проследить, переживают ли отдельные авторы (анти)идиллию (идиллию со знаком минус), как, например, уход Толстого в конце жизни – по сути, отказ от уютного идиллического пространства, ставшего для него невыносимым.

6. Названия произведений – часть из них переведена, но большая часть – нет. При издании книги стоит это учитывать. Я сторонник использования болгарских переводов, а при необходимости – указания оригинальных названий в скобках или сносках.

7. Не были бы лишними некоторые „мосты“ к болгарской пасторали – от „Змеиној свадьбы“ П. Ю. Тодорова через „На острове блаженных“ до „Козьего рога“.

8. Рекомендую также две публикации, которые могут обогатить библиографическую базу:

Пастораль как текст культуры: теория, топика, синтез. Сборник научных трудов. М., 2005. 304 с. (20 статей)

Ричард Андрюс и Пол Шеленбъргър. Гробът Господен. Тялото Христово и тайна древна – 2000 години. София, 1997 г.

Я знаю доц. Николова прежде всего по её текстам. По кратким встречам и служебным беседам с ней у меня сложилось впечатление о ней как о тонком, терпимом и этичном коллеге, серьёзно вовлечённом в проблемы науки, особенно своих исследований, а также в преподавательскую работу.

Настоятельно рекомендую опубликовать этот обширный и значимый текст (с учётом объёма и социокультурных и литературных полей, которые он охватывает, публикация может быть и в двух томах для более эффективного использования преподавателями, студентами и всеми, кто интересуется междисциплинарными пересечениями между литературой, изобразительным искусством, музыкой и театром в контексте буколического, пасторального и идиллического).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационная работа содержит научные, научно-прикладные и прикладные результаты, представляющие собой оригинальный вклад в науку (категорическое отсутствие плагиата) и соответствует всем требованиям Закона о развитии академического состава в Республике Болгария (ЗРАСРБ), Правилу о его применении, а также соответствующему Правилу ПУ «Паисий Хилендарски». Представленные материалы и результаты диссертации полностью соответствуют минимальным национальным требованиям, принятым в связи с Правилу ПУ по применению ЗРАСРБ.

Диссертационная работа показывает, что доц. д-р Дияна Василева Николова-Багалева обладает глубокими теоретическими знаниями и профессиональными навыками в научной специальности «Античная и западноевропейская литература: сравнительное литературоведение», демонстрируя качества и умения проводить исследования с получением оригинальных и значимых научных результатов.

По вышеизложенным причинам я убеждён даю положительную оценку проведённому исследованию, представленному рецензируемой диссертацией, авторефератом, достигнутыми результатами и вкладами, и предлагаю уважаемому научному жюри присудить научную степень „доктор наук“ Дияне Василевой Николовой-Багалевой в области высшего образования: 2. Гуманитарные науки, профессиональное направление 2.1. Филология (Античная и западноевропейская литература: сравнительное литературоведение). Концептуальная рамка, в которую помещена русская литература, местами даёт трещины, но собственно поэтические наблюдения – интересны и продуктивны.

17.07.2025 г.

Рецензент:
(подпись)

Проф. д-р Людмил Димитров